

Глава 39. Весна у павильона

Хоть Ду Цзитэн и служил военным советником при чиновнике провинциального уровня, занимая высокий третий ранг, его годовое жалованье едва превышало сотню лянов серебра. На этом фоне два ляна в месяц, которые он платил Су Цзычуань, по местным меркам считались весьма солидной суммой.

Однако если вы думаете, что эти деньги доставались Цзычуань легко, то вы глубоко заблуждаетесь.

Поместье военного советника Ду было невелико: один двор да четыре комнаты. Троих обитателей такая теснота не стесняла. Помимо самого хозяина и красавицы-куртизанки, в доме жил еще некий старик-привратник лет семидесяти, чье прошлое покрывал мрак неизвестности. Все остальные заботы ложились на плечи Су Цзычуань. От заготовки дров и разведения огня до приготовления обедов, от подачи чая до вытирания пыли — она делала всё.

Короче говоря, одна девушка пахала за пятерых.

И это называлось «высокооплачиваемая работа»!

В свое время Ду Цзитэн прельстился ее кулинарным талантом, а Цзычуань — его родством с императорской семьей, и они быстро ударили по рукам. Так молодая госпожа Су превратилась в экономку.

В минуты крайней усталости она предавалась мучительным самовнушениям:

«Когда Небо возлагает великую миссию на человека, оно прежде всего... ну, и далее по тексту. В конце концов, сама императрица Лю когда-то в поле работала и в тюрьме сидела! Подумаешь, постирать лишний раз да обед приготовить — невелика беда».

С того дня, как Ду Сяньюнь рухнул без чувств у порога поместья, времени на поездки домой у Цзычуань и вовсе не осталось. Поиски лекаря, варка снадобий, дежурства у постели больного и бесконечные хлопоты по дому закрутили ее в вихре дел. К тому же она волей-неволей заметила, что та змеюка-куртизанка постоянно строит ей козни и норовит уколоть побольнее.

То и дело Су Цзычуань взывала к небесам, сетуя на злую судьбу: даже тигр, попав на равнину, становится жертвой дворовых псов!

Тем временем Су Цзытянь, вернувшись домой, ходил сам не свой. То в канаву свалится, то руку кипятком обварит, то мясо с костями проглотит. А по ночам и вовсе кричал во сне:

— Я не нарочно! Я был пьян!.. Вы опять за свое «в заправду»... Я обознался... У-у-у...

После чего сам же пугался, просыпался и начинал рыдать.

Парень совсем замкнулся. Двадцать четыре часа в сутки, за вычетом еды и сна, он проводил в своей комнате, не высовывая носа и прилежно штудирова книги.

Юй Чуцю был одновременно изумлен и растроган. Он решил, что Сяо Тянь наконец-то повзрослел и взялся за ум. Но странности в поведении юноши не давали ему покоя. Спросить напрямую он не решался, а потому обратился за советом к Ян Ихая.

Увы, на все расспросы Ихай отвечал одной и той же фразой:

— Вот когда позволишь мне взять реванш в постели, тогда и скажу.

На следующий день явился Сун Юньфэй. С огромным букетом роз и двумя детьми под мышкой, он выглядел точь-в-точь как муж после многолетнего брака, пришедший забирать жену из родительского дома.

Вид у него был виноватый, а в глазах читалось: «Позавчера я перебрал и обознался. Я не хотел (слова подозрительно напоминали лепет Сяо Тяня). Возвращайся, присмотри за детьми. Я подниму тебе жалованье».

Юй Чуцю встретил его прохладно. Присутствие Ян Ихая в доме сдерживало его гнев, поэтому он просто увел Сун Юньфэя на пристань, в кабак, чтобы там вежливо, но твердо отказать.

Поняв, что прибавка к жалованью не сработает, Юньфэй мигом сменил тактику. Он осознал: Чуцю — человек души, а не кошелька. Лицо его исказилось в притворном горе, он всучил букет Юй Чуцю, закрыл глаза ладонями и завыл на всё заведение:

— Ох, несчастная судьба у моих крошек! Лишились матери в таком нежном возрасте!..

Дети, склонные подражать взрослым, увидев слезы отца, тут же завели свою волюнку. Вцепившись в полы халата Чуцю, они размазывали сопли и слезы, тонкими голосками взывая: «Мама!»

Чуцю пришел в полное замешательство. Поминутно извиняясь перед гостями кабака, он подхватил Сун Цяня и Сун Ли на руки и принялся их утешать.

Юньфэй, видя, что лед тронулся, решил дожать. Он обхватил Чуцю за плечи, навалился всей своей массой и запричитал еще громче.

Хрупкий Юй Чуцю, держа двоих детей и чувствуя на спине тушу здорового детеныша под два метра ростом, едва не испустил дух. Оглушенный тройным плачем семейства Сун, он дрогнул сердцем и согласился...

Сун Юньфэй мгновенно выпрямился. Забрав детей и схватив Чуцю за руку, он потащил его в город со скоростью беглецов, решившихся на тайный брак.

Для Ян Ихая этот день тоже выдался... примечательным.

Когда Юй Чуцю ушел с Сун Юньфэем, Ихай остался стоять у порога. Глядя, как эта «семья из четырех человек» исчезает в лучах утреннего солнца, он почувствовал, как в груди закипает обида.

«Хм! И что в этом Сун Юньфэе такого? — злился он. — Ну, выше меня на палец, подумаешь! Зато я во сто крат краше! Думает, если при деньгах, так всё можно? Мой Чуцю чист душой и на золото не купится!»

Поразмыслив так, он всё же не успокоился. Заперев ворота, Ихай тенью последовал за ними в город.

Сун Юньфэй вел Чуцю за руку, другой рукой прижимая к себе Сун Цяня. На его лице сияла счастливая улыбка. Заметив капельки пота на лбу Чуцю, который нес Сун Ли, он заботливо вытащил платок и потянулся вытереть ему лицо.

Чуцю инстинктивно отпрянул, но, поняв намерение мужчины, виновато улыбнулся и поблагодарил.

Растроганный его мягкостью, Юньфэй ласково обратился к дочери:

— Нюню, будь умницей, слезай. Господин Юй устал.

— Не хочу! — Малышка Сун Ли замотала головой и вцепилась в Чуцю покрепче. Она вдруг просияла и засучила ножками, требуя спустить ее на землю.

Чуцю едва удержал ее, боясь, что она упадет, и поспешно поставил на мостовую.

Едва коснувшись земли, Сун Ли припустила в противоположную сторону. Встревоженный Чуцю, лавируя в толпе, бросился вдогонку. В уличной сутолоке он быстро потерял Сун Юньфэя из виду.

Девочка остановилась у лотка бродячего торговца, который лепил фигурки из рисового теста. Она привстала на цыпочки, вглядываясь куда-то вдаль.

Подбежавший Чуцю схватил ее за руку и строго выговорил:

— Опять убегаешь! А если бы тебя похитили злые люди? Отец бы с ума сошел от горя! Сколько раз я тебе говорил, а всё без толку. Сказано же: «Совершить ошибку и не исправиться — вот истинная ошибка». Помни: за признанием вины следует великое благо.

Сун Ли обернулась:

— Господин Юй, я только что видела Овечку Ян.

— Овечку Ян?

— Ну да, — кивнула девочка. — Того братика из вашего дома, который всё время орет: «А-а-а-а!»

Чуцю удивленно поднял голову и посмотрел в ту сторону, куда указывала малышка, но не увидел никого знакомого.

— Ты уверена, что это был он?

— Точно он. Вон там, за углом стоял.

Чуцю снова всмотрелся в толпу, но тщетно. Он потянул Сун Ли за руку, собираясь вернуться к отцу, но торговец фигурками тут же заголосил:

— Эй, крошка, гляди! Великий Мудрец, Равный Небу! Красота-то какая, а?

Сун Ли замерла у лотка как вкопанная. Торговец искоса глянул на Чуцю и, приняв его по одежде за ученого наставника, улыбнулся:

— Хочешь такую?

— Хочу, — кивнула девочка.

— Попроси папу купить, всего один фэнь.

Сун Ли захлопала ресницами и дернула Чуцю за рукав:

— Папы нет, купи ты, а? — Она обхватила его ногу, преданно заглядывая в глаза.

Вздохнув, Чуцю протянул торговцу монету в пять фэней.

— Только в этот раз, — предупредил он. — Больше не проси.

— Ура! — Сун Ли выбрала пару попугаев и тут же забыла обо всем на свете, залюбовавшись игрушками.

Торговец, отсчитывая сдачу, заметил:

— Какая славная малышка. Я сначала подумал — ваша дочка, уж больно вы лицом похожи.

Чуцю густо покраснел и замахал руками:

— Что вы, что вы! Нет у меня такого счастья. Это дочь Тиду Суна.

— Вот оно что... — Торговец кивнул. — Значит, вы ей дядя по матери? Ну, племянники часто в дядьев удаются. Хорошая у вас порода, сударь.

Чуцю хотел было возразить, но сзади раздался крик Сун Юньфэя:

— Сун Ли! Юй Чуцю! Куда вы пропали? Я уже заказал столик в павильоне Линьинь, идемте обедать!

Чуцю извинился перед торговцем и, ведя Сун Ли за руку, последовал за Юньфэем.

Вскоре после их ухода гадатель, сидевший неподалеку, обратился к Ян Ихаю, который прятал лицо в ладонях:

— Э-э... почтенный гость, вам иероглиф разобрать или судьбу предсказать? Не хвастовства ради, но в пяти провинциях Цзяннани нет гадателя точнее меня. Сам император с наложницей Ян, когда инкогнито по югу путешествовали, у меня совета спрашивали!

Гадатель с гордостью погладил бороду.

Но Ян Ихай его не слушал. Он во все глаза смотрел, как Чуцю и Юньфэй заходят в ресторан на другой стороне улицы. Только когда они скрылись внутри, он облегченно выдохнул и поднял

взгляд на старика. Тот смотрел на него, вытаращив глаза и разинув рот, будто увидел привидение.

Ихай скривился:

— Ну чего уставился? Неужто я так хорош, что дар речи потерял? Челюсть-то придержи, а то в пыли испачкаешь.

—...

— Ладно, скажу честно: мое сердце уже занято. Так что нечего на меня так похотливо пялиться, мне это претит. Несмотря на мой вольный вид, я однолюб. Кончай смотреть, всё равно тебе ничего не светит!

Ихай молол чепуху, но гадалец не реагировал — он словно задеревенел, не сводя с него взгляда. Ихаю стало не по себе, он уже собрался уходить, но старик вдруг схватил его за руку.

— Да что тебе нужно-то?! — вскипел Ян.

— Позволь мне предсказать твою судьбу. Денег не возьму!

— Даром? — удивился Ихай.

Старик кивнул. «Ну, если и обманет, так я не обеднею, — подумал Ихай. — Денег у меня полно». (Не стоит брать с него пример, деньги родителям достаются тяжким трудом!)

Ян Ихай снова сел.

— Ладно, старик, читай по лицу.

— Слушай и запоминай, — гадалец вглядывался в его черты, бормоча под нос: — Как похож! Невероятно... Неужели возможно?

— Кто похож? Что невозможно? — Ихай терял терпение. — Будешь гадать или мне идти?

— Погоди, — старик взмахнул веером. — Лик у тебя знатный. Лоб высокий — ум палата! Нос прямой, крылья полные — к деньгам! Но краше всего глаза, по форме как семена гинкго. Гинкго — знак удачи. По лицу видать, быть тебе человеком великим и богатым...

— Ха-ха-ха-ха! — Ихай не выдержал и расхохотался, не дав ему договорить.

Он хохотал до колик, утирая слезы.

— Великим и богатым? Ну ты и сказочник! Я отца в глаза не видел, мать в пять лет померла. Меня работорговцы продали в качестве сяогуаня, я десять лет сна спокойного не знал! Это ты называешь знатностью? Да на этой улице у каждого второго судьба получше моей будет! По-твоему, им тогда вообще место подле трона уготовано? Ладно, дедуля, бросай ты это дело, найди работу честную, не дури людей.

С этими словами он бросил на стол обломок серебра и встал. Гадатель, чувствуя себя оскорбленным, с треском сложил веер:

— Я сказал — денег не возьму! Тайны Книги Перемен открываются лишь верующим. Не веришь — твоя воля!

Его окрик заставил прохожих оглянуться. Ихай, не желая привлекать внимания, снова сел.

— Ладно-ладно, пошутил я. Давай так: я назову тебе другого человека, и если скажешь про него правду — поверю. И заплачу сполна!

Старик буркнул что-то, но согласился. Ихай продолжил:

— Теперь разберем иероглиф. Видишь того человека в павильоне Линьинь, на втором этаже у окна?

Он указал на Юй Чуцю. Гадатель, будучи в преклонных годах, вдаль видел отменно. Бросив лишь беглый взгляд, он презрительно хмыкнул:

— У того человека судьба из рук вон плоха! Столько людей вокруг, а ты выбрал самого злосчастливого.

— Врешь!!

— Я дорожу своим званием! — старик снова взглянул на Чуцю. — Лик у него женственный, что для мужчины — дурной знак. А глаза — истинные «глаза персикового цвета». Для женщины такой взор — к счастливому браку, для мужчины же — корень всех бед в мире брэнном. Лицо худое, щеки впалые — знак скудости земных благ. Челюсть узкая, подбородок острый — удача его обходит. Брови вечно сдвинуты в печали, желобок над губой короток — жизнь его будет недолгой. Если не он бедолага, то кто же?!

Ян Ихай багровел с каждым словом. Он вскочил, хлопнув по столу:

— Еще хоть слово гадости — и я твой лоток в щепки разнесу!

—...

— И денег не дам за такие речи!

— Я и не просил.

Ихай развернулся и ушел, но, пройдя пару кварталов, замер и вернулся.

— Неужто и впрямь всё так плохо?

— Ты же не веришь, — хмыкнул гадатель.

— А если поверю — можно ли беду отвести? — Ихай нахмурился, оглянувшись назад: Чуцю как раз заботливо кормил Сун Ли.

Старик вздохнул:

— Судьбу не изменить. Чему быть — того не миновать... Кем он тебе приходится, раз ты так терзаешься? Ушел — и снова прибежал.

— Не твое дело! — буркнул покрасневший Ихай.

— Хе-хе... — Гадатель погладил бороду. — Сердце юноши полно слепой страсти. Ладно, пиши слово, попробую разобрать.

Ихай, не задумываясь, вывел кистью на бумаге иероглиф «чаша».

— О чем спросишь? — уточнил старик.

Ян Ихай замаялся, переминаясь с ноги на ногу:

— Про... про чувства.

— Пиши и свое имя, и его.

Ихай написал. Старик взял лист, вглядываясь в линии:

— Тот человек, что напротив, ни в коем случае не должен ехать на север. Останется на юге — проживет жизнь в покое. Коли отправится на север — лишится головы. Ты же, мил человек,

его ангел-хранитель. Его жизнь и смерть — в твоих руках.

— Почему так? — поразился Ихай.

— Фамилия его «Юй» звучит так же, как «рыба». Имя «Чуцю» — начало осени, время, когда рыба жирнее всего. Такая рыба, если выйдет из воды на берег, обречена: либо съедят, либо сама издохнет.

—...

— Север — его погибель. На юге воды вдоволь, там ему ничего не грозит. Но если подастся к северу...

— Что значит — к северу? Ему теперь и шага из города не сделать?

— Отнюдь. Но столица, бескрайние степи или границы — места, далекие от большой воды. Туда ему путь заказан.

— Ну... — Ихай кивнул. — Туда он и не собирается. Цзяннань — край благодатный, чего ради в те глухие места ехать? А почему ты сказал, что я его спаситель? — Он невольно заулыбался.

Старик продолжил:

— Судьба кроется в именах. В твоём имени есть «море». Ты — его стихия, его вода. Это значит, что в час великой нужды лишь ты сможешь его спасти.

—...

— Но ты написал слово «чаша». Сверху в нём часть «делиться», а снизу — «сосуд», что с рыбьим хвостом обращается в иероглиф «кровь». Твоя фамилия «Ян» созвучна слову «притворство». Коли в чувствах твоих нет правды, то в час беды вы разлетитесь, как «делится» верхняя часть иероглифа...

— И что будет?

— Его ждет кровавая кара. Самое малое — смерть...

— Да пошел ты! Хватит мне тут жути нагонять! — взорвался Ихай. — Не верю я ни в богов, ни в чертей! Только в себя верю! Мои чувства к нему чище неба, жаль только, что эта «деревяшка» ничего не понимает!

Не в силах больше это слушать, Ихай бросил серебро на стол и резко развернулся...

— Хи-хи... — раздался за спиной нежный смешок.

Ихай, кипя от злости, обернулся и увидел высокого мужчину, одетого во всё белое. Его лицо скрывала легкая вуаль, спускавшаяся с полей шляпы. Из-под нее он смотрел смеющимися глазами, полными странной, почти отеческой нежности.

<http://bllate.org/book/17540/1708808>